

БОРИС ЩЕРБАКОВ

СОТКАННЫЕ ИЗ СИНЕВЫ

(О природе Уланского района)

Если смотреть от Иртыша на юг, в сизой волнистой дали у самого горизонта нетрудно заметить остроконечные купола призрачных, окутанных синевой гор Монастырей. Это грандиозное естественное сооружение находится в сорока километрах от Усть-Каменогорска. Оно построено будто из синеватых глыб и, словно задымленное, кажется совершенно неземным. Монастыри, или Аиртау, как готические храмы, опущенные на ровную степь прямо с небес. Пожалуй, и не подыскать другого более точного и романтического названия необыкновенно красивой группе скалистых гор.

«Перед нами на далеком горизонте блестела голубоватая цепь Монастырских гор, высокая пирамида которых, увенчанная тремя остроконечными вершинами, резко и очень оригинально вырисовывалась на призрачном небе». Такими увидел их в свое время известный ученый-путешественник П.А. Чихачев.

И действительно, Монастыри, или Монастырские сопки, несравнимы особым профилем очертаний ни с какими другими вершинами нашего края. Купола их, пронзившие высь, по мере приближения на глазах, что называется, перевоплощаются в мощную скалистую группу остроконечных вершин, поднявшихся над степью чуть более 800 метров. И чем ближе к ним подъезжаешь, тем яснее они, словно ожившие, перемещаются, медленно «разворачиваются» на месте и становятся уже совершенно другими, неузнаваемыми: за тремя «передними» теремами открываются еще такие же купола двух других меньшей высоты. И есть такое место на подъезде к ним, откуда просматриваются все пять основных вершин.

Но теперь пропадает первое, романтическое впечатление от далеких синеватых пиков. Призрачность спрессованной «синевы» и волшебство

их воздушности исчезают окончательно. Однако на передний план выходит вся их мощь, восхищающая замыслом соорудивших их миллионы лет назад подземных сил природы, всемогущего владыки подземного царства – Аида. «Мускулистая плоть» гор по существу представляет уже обглоданный временем скелет в сравнении с теми первозданными древними горами. Монастыри поражают усложненным порядком и завораживающим первопричинным хаосом, неприступностью и отрешенностью от всего, что происходит вокруг. Они задумчивы, величественны; они убийственно ко всему безразличны; похоже, и не такое видели. Наше время и мы – люди – для этих великанов, что мельтешащая мошка. С близкого расстояния ничего не говорит о тех первых впечатлениях, когда вершины «рисовались» в голубизне у горизонта сизовато-голубыми. И как не удивляться тому, что среди волнистой степи, покрытой типчаком, ковылями, пропахшей полынным духом, воздвигнут богом земных недр Плутоном памятник великого «Зодчества».

А между ними – веселы и привольны расстилы зеленых долин, благоухающие пышными и сочными луговинами у ручейков, тенистыми осинниками и черемушниками, березняками. Подолы гор подшиты зарослями непролазного шиповника, жимолости, спиреи... И всюду по скалам, по трещинам и щелям их, среди рассыпанных по склонам каменных глыб темнеют лепешковидные сгустки можжевельника ложноказацкого. Ложбины и впадины заросли высоким, удушливым в знойные часы разнотравьем. Воздух, настоящий на пышных травах, прокаленный степным солнцем, горячими скалами, дышит чистейшим и тонким ароматом медовой фантазии. Впрочем, это сказать можно обо всей Калбе, как чудной «стране», где солнце и простор дали и бесконечность каменистых гор и сопок, силуэты рассыпанных в беспорядке остроконечных малых вершин оставляют особую память – восхищение от прекрасного на все времена – о чудной планете нашей, об этой земле.

И вот они – Монастырские сопки, будто нарочно созданные, чтобы убедить в красоте и заманить под своды своих куполов. Каждый уголок их – долина, гряда, скала или гора – звенья единой древней гранитной одиссеи, неисчерпаемой в своей непостижимости и неповторимости.

Монастыри – не что иное как громадный музей из серых гранитов,

тонко настроенный, как музыкальный инструмент, на земную гармонию, на созвучие геологической истории и живой природы.

Монастыри – словно гигантская колючка в просторах обширных волнистых степей; сама симфония мощи и красоты скал; хрустальная друза Калбинского нагорья, свалившаяся однажды с небес в Прииртышские степи.

Кружат над вершинами орлы-беркуты в поисках добычи – над сурочьими колониями, над плоскими зеркалами подножных озер Сартамбет.

По ковыльным степям, «омывающим» серебряными просторами эти горы, бродят журавли-красавки; с высоты облаков орлы выслеживают ягнят архаров, редких уже, но все-таки еще живущих здесь и в наше время. Удивительно, но в каменных дебрях Аиртау до сих пор держится около 30 голов архара, ставшего всюду редким. Время от времени, почуяв опасность, из кустов вылетают косули – одиночки, или пары, или же самки с телятами...

По логовам и щелям, заросшим дремучим кустарником, таятся тетерева, а в травах – серые куропатки, перепела... По серым безжизненным скалам, облепленным листовыми лишайниками, стонут сизые голуби. И слышен здесь клич соколов-балобанов. Звенят склоны сопок от пестрокрылой братии шустрых кобылок и саранчи. Волк и заяц, лиса и барсук – обычные обитатели этих гор. Дом родной им всем – храм скальный, храм поднебесный, хранитель и попечитель беззащитных тварей божьих.

В скалах несложно поют посланцы далекого солнечного Средиземноморья – пестрые каменные дрозды. Их флейтовые посвисты оглашают молчаливый, заколдованный в камень мир гор. Тут же, среди скал и осыпей, перезваниваются мелодичными голосами скалистые, горные и желчные овсянки. Чикают встревоженные кем-то, стоящие столбиками по скалам, длиннохвостые суслики. И всюду обычны по нишам скал кладовые сена, спрятанного за «крепостными» стенами из мелких камешков, сложенных полевками Стрельцова и спянных темным смолистым пометом, да еще и политых густой мочой зверьков – производителей так называемого «мумие».

Монастыри, как сказано, достойны восхищения. Однако картина была бы неполной, если б фантазия природы не пошла дальше: у

подножья гор, как уже упомянуто, сверкают озера. Одно из них – Аир, хорошо известно своими лечебными свойствами. Расположено оно у северо-западного подножья, в окружении каменистых сопков, покрытых типчаком, ковылями, полынками и караганой. Есть около озера в долине каменные истуканы – менгиры, придающие очарование своей стариной, как связующее звено с прошлым этой земли. Топкие берега на подходе к воде закрыты зарослями ивняков, тростника, рогоза, сусака, осоки и разной другой околводной растительности. Восточный берег, напротив, каменист и крут, с причудливыми выходами матрацевидных гранитов.

Вода в озере зеленоватая, на вкус – солоноватая и сильно минерализованная, потому славится лечебными свойствами. Лечатся здесь от кожных заболеваний. Размеры озера Аир примерно 1 500 на 700 метров. В береговых зарослях, местами недоступных из-за грязи, гнездятся кряква, редкая уже всюду белоглазая чернеть, также и чернеть голубая, лысуха, малый чирок... Озеро зарыблено: как попала сюда рыба, непонятно, но водятся здесь плотва, окунь, щука, карась.

По другую сторону сопков, в урочище, названном в честь батыра Сартымбета, блистает одноименное озеро Сартымбет, русские называют его Монастырское. В него впадает речушка, тоже Сартымбет. Другое, меньшее в размерах озеро, с сухими каменистыми берегами, находится в окружении степной растительности с сырыми луговинами ближе к берегу.

Сартымбет-озеро – одно из первых на востоке Казахстана, в которое в начале 80-х годов прошлого века выпущены были охотниками и рыбаками речные раки, доставленные ими из Краснодарска. Новоселы удачно прижились. Первый улов, подтвердивший возможность их существования в наших водоемах, был уже в 1982 году. В сети впервые были отловлены особи, достигшие своих максимальных размеров.

Есть у Монастырей и еще небольшое озерко Сасыколь, что значит «гнилое». Небольшое, ничем не примечательное, разве что сильно зарастающее, загнивающее.

В тихую, ясную погоду озера до мельчайшей точности отражают незыблемые небеса и великанские профили скалистых вершин. Незабываемы утренние Монастыри, подкрашенные сиреневыми красками, на фоне ранних сизых степей они вспыхивают розовым и

постепенно тонут в безмерной глубине подножного озера, в котором такое же небо, только опрокинутое, и такое же бездонное...

И всякий раз, покидая исключительной красоты островной, горный уголок, приходится долго оглядываться, как на настоящее чудо, – на степную Калбу. Монастыри, как живые, тоже долго еще, не отставая, «бегут», как кажется, следом, но, отдаляясь, постепенно уменьшаются и так же долго-долго глядят, медленно наливаясь голубизной; наконец, облачившись в синие одежды, становятся вновь такими же, какими увидел их впервые с берегов Иртыша. Уверен, что образ голубых вершин навсегда останется в память однажды увидевшего их, и где-то далеко в глубине сердца сохраняется цветной позитив этих гордых и чудных вершин.

«ПИРАМИДА ХЕОПСА»

Если переметнуться от Кызыл-Таса в сторону Иртыша, сразу оказываешься среди холмистых степных равнин. Эти степи издавна обжиты переселенцами из далекой Таврии и потому получили в свое время название Таврических. В сторону гор, если ехать от Иртыша, вскоре за селом Гагарино равнина обретает более беспокойный характер, повышаясь. И, наконец, на пути встает высокая, в полнеба, сложенная серыми гранитами, напоминающая издали египетскую пирамиду Хеопса, гора. На самом деле это серия спаянных вершин, разделенных седловинами, но среди них к западным предгорьям выдвинуты горы с высоко поднятыми вершинами, как головами, возвышаясь над гористыми далями степной Калбы. И вот одна из них поднялась более чем на 700 метров над уровнем моря. Мощная, впечатляющая, входящая в упряжку с соседними похожими вершинами. Однако с близкого расстояния она смотрится совсем одинокой, основательно закованной наклонными плитами. Гора называется Дунгалы. Прежде ее называли «Дубыгалы» отсюда и озера под ней – Дубыгалинские. По ее каменным «ступеням», со стороны озера, зеленеют заросли караганы, можжевельника, кизильника, а кое-где в расселинах примостились кусты черемухи, жимолости, шиповников... На заостренной ее вершине, подверженной всем невздам, а значит и всевозможным силам разрушения, громоздятся самой причудливой формы скалы. В них темнеет множество небольших пещер и всевозможных ниш под

навесными козырьками, создавая тенистые уголки; кое-где имеются небольшие чашины. Скалы по форме самые разные: это носатые истуканы, глазастые, как совы, и мордастые, как бегемоты.

Некоторый интерес представляют каменные чаши на самой вершине горы, образовавшиеся в результате морозного выветривания. После дождей в них скапливается чистейшая, но сладковатая, с «гранитным» привкусом вода. В этих «микроозерах» поселяются удивительные по облику существа, успевающие за короткую жизнь в этих «водоемах».

– до первого знойного дня – оставить потомство. Называются они – жаброноги. Эти существа занимают свое место в подклассе примитивных ракообразных животных. Их тонкие листовидные конечности служат одновременно и плавниками, и жабрами, и «руками», направляющими пищу в рот. При первом взгляде, походят они на мальков гуппи - рыбок, но абсолютно прозрачны. Самки их на брюшках носят круглые, как помидоры, рубиновой окраски шары, в которых у них созревают яйца. Жаброноги поразительно приспособились к жизни в подобных «эфемерных» водоемах. Яйца, отложенные ими, хорошо выдерживают быстрое пересыхание, низкие температуры и легко переносятся ветром в те места, где появляются такие же временные чаши с водой после дождей.

Иногда мне кажется, что не случайно эти горы Алтая носят женское название – «Калба». В отличие от близких ей сопредельных заиртышских территорий Большого Алтая, она по-женски кокетлива и, естественно, не может не любоваться собственным отражением, как в себя влюбленная. Такова извечная прихоть ее гор, и поэтому часты здесь зеркала чистейших горных озер, брошенных прямо к ногам гордых вершин. Около Дунгалы тоже раскинулся большой трапециевидный «осколок» воды – озеро. Длина его более двух и ширина – около километра. Щука, карась, линь водятся в нем. Потом поселилась ондатра. Берега высланы крупным зернистым песком, сверкающим блестками слюдяных вкраплений. Со стороны горы над водой встали и нависли небольшие обрывы. Высота их порой достигает почти десятка метров.

Необыкновенное впечатление в природе оставляет извечный дуэт, или супружество, воды и гранитов, которые очаровывают в час полнолуния. Ночное «солнце» над этими горами тоже особенное –

чистое и громадное. Такое я видел над самыми крупными среднеазиатскими пустынями – Кара-Кум и Кызыл-Кум, пески Прибалхашья, и даже у нас над пустынями Северного Призайсанья. Невозможно и представить без полноликой луны калбинских тихих и теплых ночей. В ночной час плывущая по небу луна поджигает серебристым огнем угластую громадину каменной Дунгалы, высвечивая ее малейшие шероховатости, выпуклости и тончайшие грани, выхватывая из полумрака спящие призрачные тени, окутывающие в это время гору. И на глазах, что называется, перевоплощается каждый камень, каждая глыба, скала, обретая черты и формы причудливых зверей, неизвестных науке мифических чудищ, несущих в себе тайну ночи.

Ослепительна на черной воде. пылающая золотом, лунная дорожка, кипящая и подрагивающая на зыбкой поверхности. Приятной прохладой дышат небеса; воздух полнится запахом свежей рыбы и тонкой озерной сыростью.

В подлунном свете кажется, что озеро до самых краев налито кипучим огнем. Повисает над озером несущийся со степей тонкий перезвон отрезвевших от зноя кобылок, сверчков, цикад... С неостывших еще полей, полынных горушек тянет пьянящим духом с горчинкой, либо тонким кизячным дымком с ближайших аулов, либо землистым душком прокаленных под солнцем камней. И кажется – нет на всей земле более уютного и более спокойного уголка, где бы так вольно дышалось, где разливались бы с такой щедростью томящая красота и покой, как на Калбе.

Звенящую тишину в ночной час разрезает монотонное урчание полуночника-козодоя. Его длинная, кажется, сверкающая, как сам Млечный Путь, рулада, рожденная в «помокревших» от лунного света гранитах, вплетает еще и соло скальных пичуг-каменок, не знающих ни днем, ни ночью усталости. А дальше, под горой, в сырых низинах, слегка поседевших от сырого тумана, не умолкая, бьют перепела и звонко пересвистываются

мелкие зверьки – степные пищухи, или сеноставки. И так с разных сторон все, как умеют, славят теплую светлую ночь у горы Дунгалы: урчат, рассыпая серебристые трели, скрытные сверчки, да время от времени раздаются дребезжащие голоса неуклюжих, долгоногих

дергачей. Так в народе называли коростеля, который якобы ночи напролет, без усталости и смущения, корчует деревья, и от того слышен дремучий скрип ночного труда.

Подлунные серенады о величии и волшебстве лунной ночи разбивает барабанное уханье и томные, полные угрозы, вздохи с черных скал, когда просыпается филин! Проухает, простонет, ненадолго замолчит, словно оценивая: «Кого ж в этот раз напугал?». И опять над озером плывет лунная звенящая тишина...

Озеро в такие ночи спит и не спит. На его налитой светом поверхности ударит хвостом всплеснувшаяся рыба – водная гладь разбивается; бежит к берегам от всплеска позолота тонких колец, лениво покачивая отражения спящих у берегов тростников. И долго-долго еще шатается на озерном поле диск златоликой, погруженной в печаль и раздумья, луны. То всполошится, вдруг, кем-то перепуганная утка; прокричит хрипло и дико лысуха... И так всю ночь, пока не выскользнет, не прольется из-за неровных вершин Дунгалы ранний луч солнца, пока не окрасит спящие воды в алые краски. И тогда все меняется: с веселыми звуками и голосами зарождается день: слышится окрик пастуший и посвист бича... Коровы лениво заходят в озерную воду, опустив тяжелые рогатые головы, пьют не спеша, раздувая бока, нехотя озираются, роняя огнистые капли с тупых лакированных носов; со звоном падают капли в заалевшую воду. И где ж им – коровам – понять, не подозревают они, что в глазах их, как в озере, отражается наступившее утро нового свежего дня.

Между селом Гагарино и Дубыгалинскими озерами, чуть в стороне, расположено подпрудное озеро Жартас, названное так из-за речки, на которой построена плотина.

Берега рукотворного водоема живописны: частично заросли ивами и тополями. Северная сторона более пологая, степная, с незначительными скальными обнажениями. В озере водятся щука, карп, плотва, окунь.

Много в нем раков. Но главное украшение – околородные птицы: здесь обычны отдыхающие от дневного зноя стайки степных журавлей – красавок и утки, как огарь, кряква; гнездится большая поганка, бывают чайки – обыкновенная и хохотунья, из куликов – перевозчик, чибис, веретенник... Словом, их подвижные фигурки на земле и в воздухе оживляют молчание озера.

СИБИНСКОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Травы, покрывающие холмы, – серо-зеленые, как полынь.

Г.И. Потанин

Озера в Калбе, как сказано уже, неподражаемо красивы. Но особое очарование придают им их пленители – массивы гранитов, опоясывающие берега. Каждое озеро – голубая чаша, до краев налитая небесной лазурью. Светятся драгоценными камнями озера, впаянные в серый и дикий гранит. Когда речь заходит об озерах Сибинских, сразу же представляется ожерелье блистающих водными зеркалами гранитных чашин. Не случайно кто-то из древних романтиков дал этой части Калбы название Коктау, или Синегорье. Это один из уникальнейших горно-степных и горно-лесных комплексов, расположенных в 40 километрах от областного промышленного центра – Усть-Каменогорска. Протяженность массива, заключенного в междуречье говорливой Сибинки и торопливой Урунхайки, примерно 30 километров и в поперечнике не менее 10 километров. Со всех сторон он и озера у подножий его окольцованы асфальтированными автотрассами, что делает его легкодоступным – и оттого весьма уязвимым.

Передать сколько-нибудь точно и правильно те чувства, которые испытываешь, глядя на них, просто невозможно. Передать все прелести под силу разве что кинозаписи. Седого гранита оголенные горы, сложенные громадными, косо уложенными плитами, расчленены долинами, водотоками и узкими разломами, создавая дикий хаос и красоту. На крутых склонах, налегая одна на другую, к долинам, озерам спускаются плоские скалы; между горами – запрессованные дымкой ущелья, живописные извивы долин, мелколиственные и сосновые леса с причудливо выветренными скалами...

Профиль Коктау – капризная линия с углами, овалами – как это свойственно молодым горам.

Почему Коктау, или Синегорье? Просто и совершенно оправдано название: когда смотришь на горы с расстояния, с Прииртышья, они выглядят призрачно – покрытые ретушью синих «туманов».

Внутри этих гор выделяют участок Чортей -Тау с прямоугольным зубцом вершины горы Урунхай (1447 м над уровнем моря). Рельеф

сложный: остроконечные зубцы, столбы, кубы, башни сменяются похожими на пирамиды вершинами с «коронами - некоторые вершины венчают шербатые скалы. Можно бесконечно любоваться дикой композицией скальных нагромождений – наклонных и брюхатых фигур, сложенных в кипы громадных плит, вылизанных ветрами до чудовищных образов – с глазами, носами, козырьками... Такие граниты называют матрацевидными. И там, где отроги Чортей - Тау обращены к долине Сибинки, сверкают в вечной задумчивости пять небольших овальных озер.

Самые крупные из них достигают почти 8-и километров протяженности, при ширине до километра и более. Это такие озера, как Алка, Ульмеис, Дюйсен. Расположены озера в подковах серых гранитов, выходящих далеко в Сибинскую долину. Береговые скалы у озер достигают в высоту многие десятки метров и выше, где сливаются в единое тело мощных отрогов, с крутыми, часто опасными подъемами и спусками, со щелями, уводящими в чарующий мир горной Калбы. Озеро Истыкпа, или Куколь, заметно отличается желтоватой водой, во всем остальном – как и все прочие озера. И, наконец, за скальной грядой в глубине гранитного фундамента спрятано еще одно маленькое озерко, точнее сказать, это небольшой цирк диаметром в двадцать-тридцать метров и глубиной метров в пять. Будто и не природа, а специально высверлено это углубление глубоко среди скал и заполнено тальми и дождевыми водами. В этом «колодце» с наступлением засушливого периода вода испаряется; обнажается дно, заросшее густой «шубой» осок, лихо зачесанных в разные стороны или по кругу.

В каждое озеро с ближайших ущелий впадает чистый горный ручей. Кое-где у берега стеной стоят тростники, ивы, заросли кустарников – кизильник, черемуха, жимолость татарская и высокие, в рост человека, травы. Местами к берегу подходят скалы, у подножий которых лежат крупные, скатившиеся валуны. Скалы здесь смело уходят под воду и просматриваются на больших глубинах. Чем глубже, тем больше эти глыбы «мутнеют», «растворяются» и теряются в толщах прозрачной воды. У берегов из глубин всплывают редкие уже белые кувшинки, кубышки желтые, рдесты – блестящий, курчавый и плавающий.

Со стороны Сибинской долины, где разбросаны чабанские фермы, протекает речка с одноименным названием – Сибинка. В пышном

разнотравье долины выпасается скот, а берега у речки заросли густым тальником, тополями, черемухой, шиповником и цветущими травами.

Берега озер со стороны долины местами топкие или заросшие береговыми осоками, вейником, рогозом... Коврами лежат на воде малые кувшинки, уруть, рдесты. У кромки воды розовеют кисти соцветий перца земноводного... На мелководье же, покачиваясь, стоят косяки тростника, на метелках которых перекликаются тоскливыми голосами желтые трясогузки.

Вода в них бесцветна, однако, вбирая краски неба, способна играть ими, отражая изменчивое настроение неба. Озера то усиливают, то гасят, смягчая фантазию света, то наливаются бьющей в глаза бирюзой или смотрят, как из подлбья, свинцовым взглядом в пасмурное небо, и так бесконечно... И вода, с женской щедростью подвластная состоянию неба, способна полыхать красками и оттенками восходов и сжигать себя без остатка в алых пожарах закатов.

Озерный край Калбинских гор, как покажется, – это мир особого состояния, где нет тепла и восторга, нет налетной красоты и нет гармонии – только строгость... Оттого и приходит настроение легкой грусти и неиспитой утонченной нежности. А виной – оголенные горы, словно покрытые черепицей, серые, голые «плитняки», косо сползающие по склонам к долинам, озерам. Столь же тоскливы отроги с колючими спинами, с которых только что содрана зелень. Отсюда и ощущение – пустынности, одиночества и ненужной уже свободы.

Зелень ютится по трещинам и распадкам, по щелям, редко на голых откосах, чудом каким-то закрепившаяся. Да, удивляют одиночные сосны, бредущие по склонам. Как уставшие путники – одинокие, равнодушные, молчаливые, и вид их еще больше усиливает настроение отрешенности, обостряя чувство одиночества. Кое-где с соснами кочуют искореженные условиями низкорослые березы Резничеко и типичные для наших мест березы – повислая и бородавчатая. По берегам озер, особенно с северной стороны, буйствуют: непролазная карагана древовидная, шиповники, жимолость, кизильник, черемуха, смородина, боярышник и хмель. У берегов выныривают из воды там и сям, чтобы глотнуть воздуха, задушенные терпким ароматом разнотравья, тупомордые скалы. Густеют по распадкам сплошные заросли черемухи, осин, разбитые белизной пестростволых берез, что толпятся, красуясь

собственным отражением. Озера зарыблены – щука, сазан карась, окунь, пескарь... дают пищу не для фантазии рыбаков. Изредка еще залетают сюда порыбачить одиночные пеликаны, турпаны; гнездится - кряква. До 70-х годов прошлого века постоянно селились чернозобые гагары. Теперь и в помине их нет. Сибирские озера – стабильная зона отдыха горожан и гостей. Берега наиболее крупных озер отражают разноцветные домики, виллы, предназначенные для отдыхающих и туристов. Вместо птиц-рыболовов на лоне озерных вод плавают надувные лодки с фигурками «омертвевших» рыбаков. Вечерами на зыбкой воде покачиваются костровые огни и повисает унылый комариный звон.

